

L'ANGELO RIBELLE

Emir Kusturica

La nave di Teseo

ЭМИР КУСТУРИЦА

Мятежный ангел

Перевод с итальянского

УДК 821.163-312.6
ББК 84(4Сер=416.42)-444
К94

Переводчик Ольга Поляк
Редактор Жанна Перковская

Кустурица Э.

К94 Мятажный ангел / Эмир Кустурица ; Пер. с итал. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 188 с.

ISBN 978-5-00223-088-4

Новая книга Эмира Кустурицы — автобиографический роман-эссе, где, словно в калейдоскопе памяти, вслед за одним воспоминанием возникает другое: сцены из детства и юности в Сараево; картины страны, разрушенной войной; наконец, путешествие в Стокгольм на вручение Нобелевской премии Петеру Хандке. Размышления о сегодняшнем дне и судьбе родной страны сменяются мыслями о пути художника и поиске истины — и над всем этим витает страстный дух свободы.

Свою книгу Кустурица посвящает писателю Петеру Хандке, в котором он находит близкую душу и видит идеал творца: того, кто не разменивается на сиюминутные вызовы времени и творит свободно, достойно следуя собственному пути.

УДК 821.163-312.6
ББК 84(4Сер=416.42)-444

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

This text is a work of literary fiction, born from the creative imagination of the author, where real characters live in a narrative context.

Original title: ВИДИШ ЛИ ДА НЕ ВИДИМ

© Emir Kusturica, 2023

© La nave di Teseo editore, Milano, 2023

This edition was published by arrangement with

ELKOST International Literary Agency, Barcelona

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

ISBN 978-5-00223-088-4 (рус.)
ISBN 978-8-83461-329-0 (итал.)

«Я всегда отрекался от матери и отца, но от Великого Вопроса не отрекусь вовеки, ведь я его сын!»
Такие слова отрок-Христос мог бы произнести в храме.

Вчера во время прогулки

Предисловие

Жизнь — единственное состязание, в котором соперники не спешат прийти к финишу первыми. И главнейшее препятствие на этой трассе — время. Его невозможно ни остановить, ни перескочить, это не гимнастический козел и не межа, отделяющая наши владения от соседских, и даже самый быстрый летательный аппарат способен лишь перенести нас в безвременье. Шатко и обманчиво само наше знание о времени — феномене, суть которого даже философия толком так и не постигла. Кроме эйнштейновской теории относительности, а также заявлений Фридриха Ницше и Петера Хандке о том, что времени не существует, у нас нет путеводных нитей, которые привели бы к разрешению этой великой загадки.

В любой из временных отрезков на протяжении последних двух тысяч лет участники состязания норовили к финишу «опоздать». Гонка растянулась на века, и побеждают в ней марафонцы; отмашку массовому забегу на жизненную дистанцию дали эпоха Возрождения и превращение монет в ассигнации. Скоро деньги

станут электронными, и это, вероятно, положит движению конец.

На заре девятнадцатого столетия, когда английские пастухи смекнули, что гораздо прибыльнее стричь овец и обрабатывать шерсть, нежели торговать мясом, началась так называемая «гонка за прогрессом, проникнутая духом современности». Темп жизни нарастал, марафонцы бежали все быстрее, и в итоге размышления над загадочной категорией времени вышли за пределы философии и стали уделом науки. Время оказалось «в руках» квантовых физиков, которые стремятся любой ценой вернуться в точку отсчета; впрочем, они не знают, когда именно Большой взрыв сотворил Вселенную. Да и был ли он на самом деле?

В любую из эпох каждая цивилизация создавала свой собственный календарь. Шумеры, ацтеки, евреи, мусульмане заключили в рамки календаря жизнь народа и каждого индивидуума. Люди жили по календарю, и его знаменательные даты, наполненные религиозным смыслом, вращались в человеческое сознание, формируя идентичность. В деле упорядочения времени человеку помогал Бог, как и во многих других важных вещах. Это служило одним из доказательств того, что Он является величайшим из концептов, пусть даже мы разделяем точку зрения Спинозы с его секуляризмом или соглашаемся с эксцентричным заявлением Ницше о смерти Бога. Не стремясь выразить то, что лежит

у него на душе, человек не принял бы божественной природы творения, не осмысливал бы явления во временной перспективе и не обладал бы ясным видением прошлого.

Христос сошел на землю в человеческом облике и принес себя в жертву ради человечества; после распятия Он воскрес, наделив людей верой в то, что Его жертва была лишь первым актом драмы (первым этапом гонки); далее последовало вторичное пришествие Христа и сведение счетов с Сатаной. Так в среде христиан зародился миф о времени, внутри которого жизнь и смерть сменяют друг друга, между тем как достижения человеческого разума и творения рук людских лишь повествуют об ушедших в небытие цивилизациях. В ожидании воскресшего Иисуса христиане признали причинно-следственную природу времени, которое в этой концепции имело некую мифическую точку своего отсчета, равно как и завершения.

В тысячном году, а затем и по истечении двадцатого века многие ждали конца света, или светопреставления, чего не случилось, вопреки спекуляциям нумерологов и всевозможным апокалиптическим прогнозам. Такого рода пророчества распространялись, невзирая на то, что Иоанн Богослов в своем Откровении говорит вовсе не о конце света, а о Небесном Иерусалиме, уже посланном от Бога.

Марафонцам, которые верят в воскресение Христа, легче смириться с окончанием гонки. Их жизнь протекает

в постоянном осознании неизбежности смерти, но все это время их греет вера в бессмертие души, поэтому они стараются заслужить своими поступками райское блаженство и войти в Царские врата. Впрочем, все больше людей стремится в ад, полагая, что там они окажутся в гораздо более приятной компании.

Ребенком я с легкостью постиг тайну — как остановить время. Входишь в кинозал, гаснет свет и на экран обрушиваются миллионы крошечных искорок, возникают живые картины, и ты переносишься в другое измерение, а время за пределами кинозала перестает существовать.

В Сараево в кинотеатре «Первое мая» показывали «Спартак» Стэнли Кубрика, и не успел я опуститься в кресло, как парень, сидевший за мной, громко возмутился:

- Не видишь, что мне не видно?
- И что теперь?
- Подвинься!
- Хочешь сказать, у меня башка большая?
- Вот именно!
- А что ж ты сам не подвинешься?
- Некуда! — кивнул он на стену, у которой сидел.
- Закрой глаза, и все увидишь!

Выпалив в ярости эти слова, я, разумеется, не отдавал себе отчета в том, что перефразировал мысль александрийского поэта Плотина, философа-неоплатоника.

В своих «Эннеадах» он пламенно возглашает: «Обрати свой взор внутрь себя и смотри»*.

В дальнейшем я, бывало, следовал совету Плотина и почти достиг экстатических высот, но это шло не изнутри, нет, — к ним меня возносили пассажи из фильмов «Рокко и его братья», «Андрей Рублев», «Таксист»... Что характерно для современного приверженца иудео-христианской цивилизации: самые мощные стимулы к нему приходят извне. Мне не удалось достичь экстаза, вызванного наплывом чувств, которые, по идее, должны были слиться с потоками вдохновенных мыслей и «привести от множественности к единству», как писал Плотин.

Обращая взор внутрь себя, часто видишь совсем не то, что хочешь увидеть. Бывали в моей жизни мгновения, когда я походил на трудягу, который закинул в колодец ведро и, услышав его удар о камень, понял: воды нет.

Работа над собой и развитие духовности, уже успевшей пробудиться, приносит свои плоды. После засухи вода все-таки пришла в колодец, и вскоре, вдохновленные свыше, родились мои художественные творения. Будучи стайером, я так и не достиг той жизненной цели, приходом к которой упивался некий мой друг из Черногории. На мой вопрос «Открыт ли тебе оком, что ты

* Плотин. Эннеады. Первая Эннеада / Пер. Т. Г. Сидаша. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.

чувствуешь?» он обычно отвечал: «Учитель, могу сказать лишь одно: я собою вполне доволен».

Если клетки вашего тела не сбиты с толку просочившимся в них динарским нарциссизмом и если вы родились в глубокой котловине среди гор, в бурлящем вареве истории — таком, как Сараево, — вам будет трудно избежать приступов восточной меланхолии. Когда меня захлестывали волны этой напасти, перед глазами часто возникало лицо того типа из кинотеатра, и я снова слышал его слова: «Не видишь, что мне не видно?» Мой оком закрывался. В бессонные ночи, когда меня терзали сомнения и неудовлетворенность плодами моей работы, вопрос «Не видишь, что мне не видно?» превращался в ответ: «Вижу, что не видно».

Пожалуй, борьба с собственными мыслями — самая трудная задача в жизни человека; так что иногда бывает неплохо побеседовать с самим собой, понимая все риски такого общения. Облегчает ситуацию то, что это, скорее, диалог (как у Платона), а поскольку ответные реплики — тоже наши, возникает прекрасная возможность столкнуться лицом к лицу сакральное с профанным. Ведь в диалоге с «другим» «первый» может открыть ему истину. Только наедине с собой можно признать, что ты уперся в стену, и решить, разрушить ее или перепрыгнуть.

Фильмы и книги, если они принадлежат подлинному искусству, всегда приводят нас к трансцендентному.

Категория времени растворяется. Книга обретает силу, когда на ее страницах возникают образы, которые можем видеть лишь мы одни, и раздаются звуки, каких нет на самом деле, но мы их слышим. И тогда реальное время перестает существовать. Такой же эффект производят фильмы великих режиссеров. Когда луч проектора ложится на широкий экран, образ и звук проникают глубоко в наше существо и мы взмываем на пик эйфории. Реальное время останавливается, и чья-то невидимая рука выключает безжалостный секундомер, обуздывающий время на протяжении всей нашей жизненной гонки.

Случилось так, что одного американца, несправедливо осужденного за преступление, которое тот не совершал, после сорока лет заключения наконец помиловали и выпустили из печально известной тюрьмы Арканзаса. На вопрос журналистов, как ему удалось выстоять и не сломаться, он ответил, что каждый день читал по книге. То есть он примерно вдвое сократил время, проведенное в заточении. Ведь пока он читал — был вне стен тюрьмы. И не только сократил себе этим срок, но и продлил жизнь.

Обращать взор внутрь по совету Плотина становится все сложнее, развитие технологий заставляет нас носить цифровые очки и не дает увидеть оком. И главное — обнаружить скрытое, служащее последним оплотом того, что составляет нашу личность. Цифровые очки увлекают нас на путь запрограммированных мечтаний,

выдуманный мир способен погрузить человека в социальную летаргию и привести к торжеству идеологии безграмотности.

Марафонцы продолжают набирать скорость — однако сегодня, как никогда раньше, они пренебрегают истинной, заложенной в великих произведениях искусства, и непреходящей ценностью артефактов. Они словно участвуют в состязании по бегству от самих себя. В прошлом люди в большинстве своем тоже не поддерживали связь с Искусством, хотя оно и было самым надежным средством, позволяющим преодолеть бренность существования, и лишь оно одно служило мощным заслоном от времени. Только великое искусство давало возможность путешествовать за его пределы.

В христианской, да и в светской культуре человек, стоявший на позициях гуманизма, верил в Искусство, хотя и не всегда отдавал должное художникам, которые подвергались критике и опале, и нередко начинал ценить их лишь посмертно. Марафонец же под впечатлениями, полученными непосредственно или со слов других людей, обусловленными религией или искусством, не смиряется с бренностью.

Сегодня, когда искусство вытеснили форматы цифровых технологий и мы стоим на пороге четвертой индустриальной революции, которая сулит нам обездвиживание и перенос жизни в вымышленное измерение, легко прийти к выводу, что подобные изменения

были бы невозможны без длительной подготовки. Ныне люди все больше склонны верить в вечное настоящее, как пишет американский философ Уолтер Сол. Он осудил французского рационалиста Франсуа-Мари Аруэ Вольтера и его рационалистическую концепцию Истории, а ее последователей объявил «ублюдками». Умберто Эко утверждает, что сам-то великий французский философ был рабовладельцем. И не случайно: это как раз тот мост, который соединяет Вольтера с хозяевами современных транснациональных компаний. Вряд ли они были едины во взглядах, но все-таки эта концепция стала точкой пересечения их воззрений. Это люди, которые уже давно пришли к выводу, что Энди Уорхол затмевает Микеланджело. Впервые прочитав об этом в «Нью-Йоркере» в 1989 году, я понял: близится время, когда мы позабудем о собственной истории и о цивилизациях, порожденных мифами Древней Греции, римским правом и христианской духовностью.

Полная перезагрузка, о которой было объявлено в начале пандемии ковида-19, — первый такт нового музыкального произведения и первый этап написания партитуры, с которой мы будем считывать ноты мелодии танца, лишённого движений.

Джефф Безос уверяет, что мы превратимся в рабов и нас запихнут в космические корабли, где мы будем жить и работать. Можно ли надеяться на спасение? Разумеется, однако оно придет после множества кризисов, куда более серьезных, чем мы в состоянии вообразить.

Безос отнюдь не единственный представитель той элиты, которая считает основную часть человечества рабами. При таком разделении новые фараоны этой системы, уповающие на трансгуманизм, который не за горами (то есть на бессмертного человека), предполагают, что будут жить вечно, а нам советуют выкинуть из головы «христианские иллюзии», иначе элите придется чипировать нам мозги. Сначала — в качестве санитарной меры Первого министерства Мирового правительства и ВОЗ (а затем и прочих институтов, помыкающих людьми). Словно мир так и топчется на месте и не миновали времена, когда Платон изрек свою языческую мысль: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

С начала двадцатого века различные идеологии претендуют на то, чтобы заменить собой религию, а это значит, что они отнимают у людей возможность выбора, как говорил Умберто Эко. Для того чтобы вписаться в рамки той или иной религии, человек вынужден перенять определенную систему ценностей; идеология засасывает язычников и атеистов, точь-в-точь как американский пылесос «Кирби», с которым ловко управлялась моя мама, старательно засасывал пыль в нашей квартире, состоявшей из полутора комнат. Идеология, обслуживая технический прогресс, не считается с моралью, в ее эстетике смешались наука, реклама и перформанс — искусство без творений. Эта научная идеология, развивающаяся в обстановке банкротства мировой финансовой системы, не признает

таких понятий, как свобода, равенство и братство. Она помещает человеческие лица на бесконечный конвейер, где ставятся косметические эксперименты.

Во время пандемии Илон Маск, фигура, вошедшая в новейшую историю изобретательства, человек, склонный к аутизму, запустил спутники якобы для того, чтобы «поскорее перейти к стандартам телекоммуникаций 5G». На самом деле за стремлением к наращиванию скорости стоит попытка создать спутниковую сеть нового времени, чтобы всецело контролировать сознание людей при помощи нейронных чипов, вживляемых в мозг. Недавно помощник Маска сообщил, что в ходе эксперимента по вживлению чипов в мозг обезьян умерло восемь подопытных животных. Если так пойдет дальше — надеюсь, что этого не случится, — станет недопустимым, чтобы что-то заслоняло наш обзор, — напротив: все дружно, в одном и том же месте в ходе совместного просмотра будут переживать катарсис. Если «темные» помыслы возобладают, может стать и так, что помимо цифровых очков нам раздадут смитеральные рубашки в качестве награды за то, что мы согласились — хотя у нас есть глаза — не видеть того, что с нами происходит. Слова «Не видишь, что мне не видно?» на новом языке немощного человека прозвучат как «Видим ли мы, что не видим?».

Эта книга посвящена человеку, который не только писал, выходя за рамки социально-исторических

шаблонов, — которые, как я говорил выше, могут стать губительными для общества, — но прожил всю свою жизнь в пространстве языка и отказался участвовать в «гонке». Он шел в собственном темпе и создавал книги в ритме своих шагов. Его не привлекало движение хиппи, он не был битником, не втянулся в события шестьдесят восьмого года и не был близок ни к одному из социальных фейерверков, которые способствовали общественным переменам и уже упомянутой модернизации. Его жизнь и творчество служат подтверждением тому, что время не линейно и Искусство, в отличие от науки, способно с этим феноменом справиться.

Пред Царскими вратами или за ними?

Над склонами Тары природа являет моему взору самые разные образы, и я часто думаю, что стою пред Царскими вратами; куда ни посмотришь, видишь их, а порой мне кажется, что они позади меня; я слышу шелест соколиных крыльев, замираю, осматриваюсь и чего-то жду. Что еще может сделать человек, увидев птицу — воплощение небесной аристократии?

Одолевая подъемы и спуски, я все еще участвую в забеге, проявляя «явную тенденцию к замедлению». Поднимаясь по склону, сбавляю темп и редко взглядываю на небо; только на обратном пути, уже на спуске, замечаю сокола. Он парит надо мной, пролетает над вековыми соснами к крышам динарских домов, а потом садится на опору электропередачи. Ждет от меня чего-то? Быть может, сторожит добычу? Встревоженный, я ускоряю шаг, хоть и знаю, что соколы никогда не приносят дурные вести!

Хвост у сокола был серый с красноватыми вкраплениями. Птица долго смотрела на меня. Когда сокол,

не проронив ни звука, просто долго на тебя смотрит, уже этим тебе все сказано. Было время, когда в мой дом вселилось невезение, не то чтобы это было трагедией, но один человек тогда сказал: увидишь сокола — твоему злосчастью наверняка придет конец. Так и случилось. Встреча с соколом подарила мне возвращение к жизни, демон-квартирант был повержен, я почувствовал прилив сил, и все вернулось на круги своя. Сокол сильнее невзгод. Когда наступает пора устраивать гнездо, самка-пустельга прилетает на ферму в Воеводине, становясь защитницей всех, кто доселе был ее добычей. Куры, индюшки и павлины перестают бояться стервятников, ведь те из страха перед соколом держатся подальше от фермы.

Среди людей тоже есть соколы. Один из них — Петер Хандке; его мысли летят со скоростью сверхзвуковой ракеты, а накал чувств выражается через число Маха.

Во время нашей первой встречи мне показалось, что он вмиг может превратить свое пальто в крылатый летный костюм с электромотором и вспорхнуть на скалу, а если кто-то сморозит глупость, спикирует на глупца, как степной сокол на змею. Именно так случилось в Принстоне. Петер Хандке влетел в зал, где шла конференция немецких писателей. Он обвинил собравшихся литераторов в творческом бессилии и вернулся «в гнездо», где впоследствии создавал свой особый художественный стиль.

Авторитетные профессора утверждают: Петер, вместе с Ницше, величайший стилист XX века. Он достиг высокой цели, хотя никогда не принадлежал к элитным кругам. Работая с немецким языком, он подчинил ему логику, психологию и основополагающие схемы общественного устройства.

Участие Петера в судьбе сербов — шаг человека справедливого, и встать на защиту народа униженного и притесняемого было, несомненно, поступком не менее утопичным, чем подвиги Дон Кихота. Да и можно ли быть гуманистом, не обладая чертами Дон Кихота, Рыцаря печального образа?! Едва ли!

Когда Югославия — страна, которая граничила с бесконечностью, как считал юный Хандке, — была стерта с географических карт, он не смог вымарать ее из своего сердца. Клубы пыли, что поднялись над разрушенной Берлинской стеной, еще стояли над нашими головами, а Югославия уже трещала по наметанным швам. Закройщики этой беды вовремя позаботились о том, чтобы никто не остался без оружия. Был разграблен арсенал Тито, и, кроме того, во время гражданских противостояний, со значительной финансовой помощью из-за рубежа, на территорию страны ввезли тяжелое оружие для очередной братоубийственной войны.

Петер пропитал свой идеализм адреналином, глотал пыль проселочных дорог, по которым шагал, — избегая

магистральных путей, познавая не только географию, но и Истину. Благодаря связи Хандке с сербским народом сохранялся жар энергии в тлеющих углях пожара, вспыхнувшего еще в годы юности Петера; Андрич, пожалуй, причислил бы его к мятежным ангелам организации «Млада Босна». Правда, сегодня, по словам самого писателя, миром правит глобалистское подполье. Вместо королей и императоров теперь властвуют фараоны, и не только над Египтом, но над всем светом, в том числе над постхристианской Европой.

Больше всего Хандке похож на ангела Кассиэля из фильма «Небо над Берлином». Нам запомнились его «человеческая» сущность и его слова: «Завидую людям, потому что они живые». В этом фильме мы видели ангелов Петра, явившихся из сна Иакова и низвергнутых с лестниц, по которым библейские персонажи нисходили на землю. Нечто подобное Петер соорудил в своей мастерской. Он изготовил современную складную лестницу, восхождение по которой осваивали берлинские ангелы и он сам. Это оказалось несложно. После стольких пройденных дорог пришло время устремиться ввысь; те, кто видел Петера на его лестнице, говорят, что двигался он странным образом: даже спускаясь, будто бы шагал вверх.

При написании этой книги возникла необходимость дать Петеру другое имя. И я назвал его Петром Апостолом

Спелеологом. Апостолом — потому что после Фридриха Ницше не было ни одного писателя, которому удалось бы стереть грань, разделяющую страсти и страдание, какое причиняет жизнь, грань между самоанализом и высокими моральными принципами. Ницше не верил в Бога, однако предполагал, что Он скрывается в грамматике, в то время как Петер всегда оставался христианином, готовым пожертвовать собой ради справедливости. Спелеологом я назвал его потому, что представил, как он спускается в чрево земли и оттуда осуждает простодушное человечество, в рядах которого осталось крайне мало тех, кто сомневается в том, что Земля круглая, зато выросло число людей, считающих свою планету огромным чемоданом с двойным дном. Наверное, всем нам кажется, что мы стоим на дне, и поэтому нам не остается ничего иного, кроме как надеяться на второе дно.

Спелеология Петера — это авантюра человека, который, искусно управляясь с тросами, при тусклом свете фонаря спускается в пещеру, в глубины земного чрева. Оттуда он лучше видит, какова она — мирская повседневность, разворачивает позабытые, но трогательные людские чувства, ведет нас через свою личную географию, показывает персонажей, которые не нашли воплощения в литературе. Мы разглядываем портреты не исследованных прежде типов; Петер едет в Скопье и из уборов, покрывающих головы людей, создает

симфонию, а сплитского чистильщика сапог обращает в святого.

Мораль и категорический императив Иммануила Канта, представление Ницше о морали как о «смелости сильных» Петер заменяет заветом Христа: «Мораль — это милосердие к слабым».

Обладающий опытом, накопленным в Юго-Восточной Европе, Петер прибыл в Сербию — не осознавая своей исторической миссии, в поисках истины пустился в путь пешком. Сперва он вел себя подобно герою собственных книг; он и не думал о том, чтобы взять на себя роль мессии и ему было чуждо стремление совершить великие перемены, но он пришел к сербам — которых еще не смели с автострад и не выгнали из коридоров, где шагали войска с северо-запада на юго-восток и обратно. Он не соглашался с Мадлен Олбрайт, Secretary of State*, которая еще в девяностые годы заявила: «Мы не остановимся до тех пор, пока не сделаем сербов чехами!»

Петер часто говорил: «Я не знаю, в чем истина, но я знаю, что чувствую!»

Почувствовав, что на Западе транслируется искаженная картина событий, происходящих на юго-востоке,

* Статс-секретарь (англ.).

и противопоставив увиденное собственными глазами на войне ложному облику нашей трагедии, Петер ощутил себя в бурлящем котле истории.

Вовсе необязательно быть великим писателем, но следует непременно быть Кем-то, чтобы осознать: бомбардировка Республики Сербской и Сербии в 1999 году велась не из гуманистических побуждений. Это было не только уничтожение западно-христианской культуры, но и начало эпохи постгуманизма. Пострадали не только люди, мосты и больницы; бомбежка превратила международное право в «гуманитарное». Когда детей стали обстреливать с военных самолетов, сбылось пророчество Федора Михайловича Достоевского о том, что мировую сцену заполонят актеры-извращенцы и настанет время людского безумства; для убийц в кабинах самолетов сербские жертвы были всего лишь крестиками на радаре.

Если бы все обстояло иначе, писатель не приехал бы в Белград под обстрелами именно тогда, когда двадцать с лишним стран отправляли туда свои смертоносные эскадрильи, меж тем как их борцы за права человека — собраты Петера по ремеслу — «отважно» славили войну, в ходе которой Мировая сила бомбила на мостах детей. Петер отверг безнравственность и тем самым вмешался, причем самым непосредственным образом, в наш исторический забег.

Писатель, прислонившийся к стене

Когда я увидел Петера, прислонившегося к стене стокгольмского «Гранд Отеля», истекали последние минуты его семьдесят седьмого дня рождения. Он улыбался и был спокоен, как море перед ним. На старом пальто с широкими лацканами и заново пришитой подкладкой дрожали пылинки минералов, растолченных минувшими веками. Петер был почти таким же, как на фотографии, которую я видел в студенческие годы в пражской газете «Политика». Тогда я не знал, кто он такой, хотя роман «Женщина-левша» уже был написан. Собственно говоря, это была даже не фотография, а рисунок, портрет узколицего высоколобого человека в очках, за которыми скрывалось беспокойство во взгляде. Тот рисунок заставил меня вспомнить старославянское слово «страсть», которое со временем приобрело значение «страдание».

Рукава пиджака писатель обшил кожей, собственноручно орудуя иглой с ниткой — точно так же, как задолго до того сам набросал эскизы обложки к своей

книге «Писатель после полудня». Вот и еще одна роль автора в его стокгольмском спектакле.

Петер стоял у стены — выправка юноши, ясный взор его голубых глаз оттеняло море бурого цвета. Огни города мерцали на стеклах его очков, и я мог только догадываться — уж не те ли самые были это авиаторы, сквозь которые он смотрел, отражая мое пенальти!

Когда Петр Апостол Спелеолог писал «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», он не знал, что в 1996 году в деревне Дуэн, неподалеку от Паси-сюр-Эр — в ту пору наша дружба только зарождалась, — он отразит мяч, который я как соперник буду считать «мертвым».

Выдался солнечный день, какие редко случаются в Нормандии в начале лета. Били «золотой гол», игровов не хватало. Когда был назначен пенальти, Петер решил встать на ворота. И вот стоим мы друг против друга, Петер и я — вросли ногами в английский газон, напитанный нормандскими дождями. Петер широко развел руки, вместо футболки на нем клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Смотрит сквозь очки, он не профессиональный игрок и не чувствует центра ворот. Я смеряю вратаря взором самоуверенного футболиста — не профессионала, правда, но мяч меня слушался. Разбег тут и не нужен, я и так переиграю, думаю я; три шага, удар, мяч летит в штангу. Петер вскидывает руки, мяч отскакивает от его пальцев в угол поля. От такого рывка с Петера слетают очки и попадают прямо в сетку вместо мяча.

Впрочем, очки тут не самое важное, потому что с течением лет их оправа становилась все менее заметной — такие у Петера были глаза.

Встреча с ним в Стокгольме, казалось, выпала из реального времени; перед «Гранд Отелем» остановились сразу два такси. Первым приехали Петер, его жена Софи и графиня Ариан фон Ведель, супруга поэта и издателя Михаэля Крюгера, который присоединился к нам два дня спустя. Они втроем возвращались из ресторана, где отмечали день рождения. В другом такси были мы с Майей, только что из стокгольмского аэропорта.

Мы вышли из автомобилей совсем как в сцене из голливудского мюзикла; дверцы обоих такси распахнулись синхронно, подошвы обуви коснулись тротуара, словно вступая в крупный план голливудского же мультфильма. И все же в этой встрече не было ничего зрелищного, престижная награда придала Петеру особый лоск человека, который, хотя и держался скромно, был явно рад. Вот он, стоит перед нами, взволнованный. Он приехал сюда «свидетельствовать о невиновности людей» и, казалось, уже соскучился по тропам лесов Шавиля и устоявшихся правил, следуя которым он со всей тщательностью подбирал в уме слова.

Среди всех членов Нобелевского комитета, с которыми я познакомился, только профессор Матс Мальм, секретарь Академии, несколько меня напряг, протягивая руку для приветствия. Он был высокого роста и принадлежал к тому типу мужчин, какие в конце

шестидесятых рекламировали пишущие машинки в журнале «Лайф». Широко распахнутые глаза, одет скромно, белая рубашка, белоснежная улыбка. Лицо без изъяна — один из тех людей, чья улыбка отражает не внутреннюю суть, а умело скрываемые намерения.

В Стокгольме Петер жил у Берита Андерса, главы Нобелевского комитета по литературе. При встрече с такими людьми, как он, кажется, что вы уже давно обменялись рукопожатиями — может быть, познакомились в поезде, в аэропорту или на книжной ярмарке; его очки напоминали театральный реквизит для драмы Чехова, а от улыбки на душе становилось спокойно. Его взгляд излучал удовлетворенность: наконец, после стольких прочитанных страниц, ему представился случай увидеть вживую их автора.

Приезд в Стокгольм принес нам радость теплых встреч, какие согревают в любом уголке мира и заставляют ликовать родственные души. Эти встречи не предопределены движением звезд и гороскопами, но случаются в силу особой близости людей, которая рождается из совместной работы над ошибками.

Когда мне или Петеру в голову приходила мысль о том, что было бы разумно пришвартовать лодку у причала, возврат в мирную гавань оказывался уже невозможным. Петер больше не пользовался благосклонностью политкорректных представителей Запада, а я не только не могу вернуться в свой родной город, но и едва ли готов бросить тропы Мокрой Горы,